

Королевство Марокко, бюрократизация ислама и новая «арабская весна»¹

АНДРЕЙ
ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД
ИСАЕВ

Минувшие два года, 2019-й и 2020-й, были богаты на события, которые с полным основанием можно вписать в хронику продолжающейся «арабской весны». Даже беглый обзор произошедшего показывает, что созданная ею и без того огромная зона нестабильности еще более расширилась: спокойствия не прибавилось почти нигде, но зато социальная смута перекидывалась на все новые и новые регионы. С самого начала 2019-го кипели беспорядки в Алжире: там беспокойным студентам поначалу удалось отвергнуть притязания президента-инвалида на пятый срок, потом объявить о недоверии всем его сподвижникам, а затем организовать бойкот выборов нового главы государства. В апреле суданская армия под давлением осаждавших ее казармы разгневаннх толп бескровно свергла президента страны, после чего попыталась подавить уходящую из-под ее контроля народную инициативу – и не слишком преуспела в этом, в июле вынужденно допустив представителей протестующих к дележу власти. В мае в отставку ушел премьер-министр Мали: если семь лет назад предыдущая «арабская весна» спровоцировала в этой африканской стране восстание кочевников-туарегов, которое удалось остановить только после внешнего вмешательства, то теперь правительство свергли многотысячные демонстрации местных граждан, возмущенных неспособностью властей покончить с межэтническим насилием. Наконец, в самый канун нового года вдруг напомнили о себе столь разные арабские страны, как Ирак и Ливан, где вспыхнули невиданные по массовости и ожесточению бунты, успешно сметавшие премьер-министров и их кабинеты. Следующий, високосный, год как будто бы подхватил эстафету, раздувая старые очаги напряженности еще пуще: без остановки лихорадило улицы и площади Ливана и Ирака, гражданские войны терзали Ливию и Йемен, периодически напоминали о себе протестные движения Алжира и Египта, продолжалось вялое «умиротворение» Сирии. Как и следовало ожидать, начавшаяся в 2020 году пандемия ничуть не способствовала стабилизации беспокойного региона.

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

Леонид Маркович Исаев (р. 1987) – арабист, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Российского университета дружбы народов.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 19-18-00155.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ ПРАВИЛ?

В принципе, можно попытаться представить себе будущую направленность этого общеарабского процесса: он едва ли не идеально вписывается в логику крушения несостоятельной государственной власти, которую еще в XIV веке описал арабский теолог и философ Ибн Халдун². История мусульманских стран, по его мнению, воспроизводит одну и ту же закономерность: правящий класс, с течением времени обретая безраздельную власть, разрастается численно и расширяет свои потребности, а это снижает его способность адекватно реагировать на истощение общественных ресурсов и ослабление собственного авторитета. Властная монополия, как и любая другая, оборачивается загниванием; в результате попытки правящих групп убедить в своей политической мощи и незаменимости внешний мир и своих подданных, сопровождаемые подкупом приспешников, могут лишь отсрочить смену власти, но не предотвратить ее. Применительно к нашим дням это означает, что очистительная работа революционеров первой «арабской весны» была предопределена, но завершилась только отчасти – и поэтому скорее всего будет продолжена.

Однако, обзревая карту арабской «политической уборки» начала XXI века, наблюдатель сразу же обращает внимание на обширные белые пятна, пока всерьез не затронутые панарабской трансформацией. В частности, среди стран, для которых политическая оттепель еще впереди, выделяются две монархии, находящиеся на разных континентах, но при этом объединяемые некоторыми общими особенностями, – это Иордания и Марокко. Со времен «арабской весны» спорадические вспышки возмущения наблюдались в обоих королевствах неоднократно, активировав различные социальные группы и слои. Как и жители других арабских стран, марокканцы и иорданцы в 2010-х годах не раз выходили на улицы, протестуя против коррупции и требуя социальных реформ, а полицейский спецназ разгонял их с большей или меньшей жестокостью. Власти королевств откликались на тревожные события с разной степенью политической виртуозности, что-то лучше получалось в одной стране, а в чем-то опережала другая – но всякий раз им удавалось локализовать и подавить протесты. Разумеется, тот факт, что обе государственные системы, в отличие от своих менее удачливых соседей, по-прежнему вполне твердо стоят на ногах, не может не возбуждать интерес специалистов.

2 Подробнее см.: TURCHIN P. *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall*. Princeton: Princeton University Press, 2003. P. 38–40. Автор этой книги предлагает математическое обоснование теоретических построений арабского мыслителя. См. также: КОРОТАЕВ А. В. *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции*. М.: Восточная литература, 2005.

При этом некоторые из них, анализируя политику адаптации двух королевств к революционным веяниям, отодвигали земные объяснения беспрецедентной везучести двух монархий на второй план: по их мнению, главнейшим фактором, не позволяющим оппозиционным силам настаивать на радикальной смене режимов, выступает не что иное, как солидная религиозная родословная правящих династий, напрямую отсылающая к «небесному мандату» и сакральной природе их власти³. Подобная логика, по-видимому, подразумевает, что с прямыми наследниками Пророка нельзя обращаться как с «обычными» диктаторами: они требуют особого подхода, и это, как предполагается, весьма смущает потенциальных бунтовщиков.

Но так ли это? Подобное мнение представляется нам ошибочным, поскольку принцип неприкасаемости в отношении венценосцев даже с такой почтенной родословной работает не всегда. Опровержение упомянутой гипотезы базируется на двух основаниях: первое можно условно назвать политико-практическим, второе – религиозно-доктринальным. Соответственно, факты, подкрепляющие аргументацию первого рода, свидетельствуют о том, что родословная, отсылающая к самому Мухаммаду, ни в давние, ни в нынешние времена не выводила представителей двух интересующих нас династий из-под действия элементарных законов борьбы за власть. Они не только становились жертвами политических интриг тех, кто оспаривал их доминирующее положение, но и порой погибали от их рук – как самые обычные смертные. Несомненно, и марокканские, и иорданские венценосцы целенаправленно использовали религиозные ритуалы и институты для упрочения собственной власти. Так, иорданский король Хусейн постоянно подчеркивал свою роль хранителя мусульманских святынь Храмовой горы в Иерусалиме, а при марокканском короле Хасане II государство ежегодно публиковало его генеалогию, ведущую прямоком к основателю ислама. Но любопытно, что редкостные родственные связи, которые, по идее, должны были бы вселять безграничное почтение в сердца суннитов, никоим образом не мешали политическим оппонентам или даже просто убийцам, которые чаще всего тоже оказывались мусульманами.

Кроме того, власть прямых потомков Пророка никогда не была безграничной, поскольку внутри исламской политико-правовой системы – вопреки мифу об абсолютной, безобразной и кровожадной восточной «деспотии в тюрбане», сконструиро-

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

3 См., в частности: Демченко А. В. *Затянувшаяся «весна» в Иордании // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабский мир после Арабской весны* / Отв. ред. А. В. КОРОТАЕВ, Л. М. ИСАЕВ, А. Р. ШИШКИНА. М.: УРСС, 2013. С. 85–106; Кузнецов В. А. *Парадоксы развития арабских политических систем* // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 5(62). С. 23–48; Орлов В. В. *Марокко на фоне «арабских революций»: факторы устойчивости власти // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы* / Отв. ред. И. В. Следзевский, А. Д. САВАТЕЕВ. М.: URSS, 2012.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

ванному в эпоху Просвещения, – всегда работали сдерживающие механизмы, своего рода мусульманские сдержки и противовесы, которые эффективно лимитировали неограниченных, казалось бы, властителей. Их действие в разные времена довелось испытать на себе обеим правящим династиям – и Алауитам, и Хашимитам, – подобно тому, как в плену тех же сдержек и противовесов до самого краха Османской империи был вынужден действовать и турецкий султан в своей ипостаси халифа, духовного лидера всех правоверных-суннитов⁴. Главным принципом этой системы, многократно исследованной и описанной, было то, что никакая родословная не дает владыке право делать все что заблагорассудится. Разрушение же этой системы началось лишь в XX столетии.

Власть прямых потомков Пророка никогда не была безграничной, поскольку внутри исламской политико-правовой системы всегда работали сдерживающие механизмы, которые эффективно лимитировали неограниченных, казалось бы, властителей.

Кстати, ссылки на исламскую систему сдержек и противовесов ведут нас ко второй линии аргументации, которая выше была названа религиозно-доктринальной. То обстоятельство, что суннитская общественно-политическая мысль – в отличие от мысли шиитской – всегда считала публичную власть предметом не религиозной догматики, а исламского права, заземляло и профанировало ее, превращая в предмет мирского регулирования и контроля. Весьма распространенной среди суннитов точкой зрения, разработанной еще в начале XI века мусульманским правоведом Абу-ль-Хасаном аль-Маварди, является представление об Аллахе как о верховном носителе суверенитета⁵. Опираясь на его имя и руководствуясь его поручением, власть на земле реализует умма; в исламской юриспруденции для описания этого явления применялось понятие «отражение суверенитета Аллаха». Понятно, что подобный суверенитет является неотчуждаемым. Суверенные же права уммы выражаются прежде всего в ее способности избирать себе правителя, которому мусульманская община лишь вверяет право управлять собой. Из-за того, что порядок замещения должности главы исламского государства не был строго

4 Подробнее об этом см.: FELDMAN N. *The Fall and Rise of Islamic State*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2008.

5 См.: АБУ-ЛЬ-ХАСАН АЛЬ-МАВАРДИ. [Властные нормы и религиозные полномочия.] Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмийа, б.г. (на арабском языке).

определен ни Кораном, ни Пророком, мусульманские правоведы в большинстве своем сходились в мысли, что пост халифа достается соискателю в силу *байа* (договора), заключаемого между уммой и претендентом на халифат.

В соответствии с подобным договором правитель несет личную ответственность перед общиной за осуществление власти и вправе требовать от нее беспрекословного подчинения, которое, однако, обусловлено тем, что сам он должен неукоснительно следовать предписаниям шариата. Именно этот принцип позволяет мусульманам выступать против халифа в тех случаях, когда владыка пренебрег нормами шариата, перестал руководствоваться интересами подданных или советоваться с ними. Суннитская политико-правовая культура особо подчеркивает, что «власть главы государства не абсолютна, он не пользуется какими-либо привилегиями или иммунитетом, а так же, как и простой мусульманин, подчиняется нормам шариата и может быть наказан за любой проступок»⁶. Отсюда, кстати, вытекает не менее важный для нашего исследования принцип суннитской политической теории, в соответствии с которым правитель, даже отправляя религиозную власть в государстве, персонально тем не менее лишен божественной природы. Иначе говоря, происхождение от самого Пророка отнюдь не означает для его потомков личной божественности – со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями.

Практика, обобщенная аль-Маварди, соответствует обыкновениям начального периода становления исламской власти, наступившего после смерти пророка Мухаммада. Однако, несмотря на прошедшее тысячелетие, современное осмысление положения правителя в исламском государстве, включая приписывание ему божественных функций, отнюдь не смягчилось, но, напротив, сделалось еще более строгим. Так, в XX веке египетский религиозный и общественный деятель Мухаммад Рашид Рида – один из самых известных сторонников возрождения халифата и идеолог движения «Братья-мусульмане», – развивая идею об изначальной неполноте могущества, которым обладает мусульманский правитель, не только сокращал его светские полномочия, низводя их, по сути, до компетенций «обычной» исполнительной власти, но и ограничивал его религиозные функции сугубо защитой веры и воплощением норм шариата. При этом особо подчеркивалось, что «халиф не властен над мусульманами в религиозных делах и не его прерогативой является толкование для них Корана»⁷. Другой

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

6 Сюкияйнен Л.Р. *Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация* // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 3. С. 143.

7 Мухаммад Рашид Рида. [Халифат, или Великий имамат.] Каир: Аз-Захра ли-л-илам ал-арабийй, 1994 (на арабском языке).

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

исламский мыслитель-модернист Али Абд ар-Разик, которого порой называют основателем исламского секуляризма⁸, и вовсе возражал против обязательности халифата, всецело относя вопрос о форме правления к сфере политического. По его мнению, миссия пророка Мухаммада носила узко религиозный характер и была целиком и полностью выполнена им самим, а это означает, что в религиозном плане у него вообще не может быть преемников. Иначе говоря, «со смертью Пророка религиозное лидерство прекратило свое существование и появился новый тип руководства общиной – политический»⁹. По мнению Абд ар-Разика, первый праведный халиф Абу Бакр уже был исключительно политическим лидером, лишенным какого бы то ни было ореола божественности.

Рассмотрев возражения против принципа неприкасаемости в самом обобщенном виде, можно обратиться к тому, как они подтверждались практическими частностями, запечатленными в политико-религиозном функционировании одной из династий, ведущих свою родословную от самого основателя ислама, а именно – марокканского дома Алауитов.

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ БОГОИЗБРАННОСТИ

Вопреки своему сакральному происхождению и многовековой истории власть султана Марокко в период, предшествовавший установлению в 1912 году французского протектората, была гораздо скромнее, чем власть марокканского короля сегодня. Несмотря на то, что султан признавался неоспоримым носителем божественной благодати (*барака*), он тем не менее не был единоличным обладателем духовной власти: за ним закреплялось лишь полномочие быть имамом на пятничной молитве¹⁰. Такое положение вещей сохранялось вплоть до 1957 года, когда султанат был преобразован в королевство. На протяжении всей марокканской истории монарха ограничивал совет племенных вождей, спектр компетенций которого подразумевал не только выбор наследника престола, но и – иногда – лишение султана полномочий. Более того, у владыки не было даже права интерпретировать исламские законы: оно закреплялось за улемами – учеными-богословами, – а судебная власть до середины XIX века осуществлялась судьями, назначаемыми не

8 См.: ЕФРЕМОВА Н.В. *Али Абдарразик как родоначальник секуляризма в исламе* // Ислам в современном мире. 2018. Т. 14. № 3. С. 93–114.

9 Али Абд ар-Разик. [*Ислам и основы власти.*] Бейрут: Ал-Муассаса ал-арабийя ли-л-дирасат ва-н-нашр, 1972 (на арабском языке).

10 См.: *Современная Африка: итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур* / Под ред. А.М. Васильева. М.: Наука, 1990. С. 209.

властителем, а верховным судом города Фес, духовной столицы Марокко. Соответственно, выносить решения по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики султан мог, лишь заручившись одобрением со стороны совета улемов, которое фиксировалось в соответствующих фетвах.

Исламское духовенство и племенная знать, бесцеремонно оттесняя богоизбранных владык, продолжали вмешиваться в политику и в Новое время. После того, как в 1894 году султанский трон унаследовал малолетний Абд-аль-Азиз, страна вступила в период, получивший название «прелюдии к протекторату». Его лейтмотивом марокканский историк Абдалла Лару называет анархию: в 1904–1907 годах юный потомок Пророка, абсолютно не умеющий управлять – интересы султана ограничивались техническими новинками, получаемыми из Европы, и женщинами, которых в его гареме всегда было не менее двухсот, – неоднократно сталкивался с вооруженной оппозицией со стороны местной знати, которая время от времени собирала шайки разбойников и бросала вызов государственной власти. При этом, по мнению специалистов, «в марокканском контексте бандитизм был не какой-то маргинальной деятельностью, а неотъемлемой частью социального-политического процесса, посредством которого обделенные влиянием группы могли оспаривать государственную монополию на власть»¹¹. В начале XX века некоторые из этих разбойников даже учреждали в труднодоступных районах собственные квазигосударства – с аппаратом насилия, налогами и валютой.

С именем юного Абд-аль-Азиза связан еще один показательный эпизод, характеризующий отнюдь не первое место правящей династии в политическом устройстве Марокко до пришествия французов. В 1907 году бесталанному правителю бросил вызов его брат Абд-аль-Хафиз, что послужило сигналом к началу общенационального гражданского конфликта. В этой борьбе улемы Феса решили поддержать новоявленного претендента на власть, в 1908 году издав специальный документ, который провозгласил «моральную кончину» царствующего лица. Еще более интересным было то, что содействие, оказываемое Абд-аль-Хафизу, оговаривалось целым рядом условий: в частности, будущему султану предписывалось отменить некоторые налоги, освободить оккупированные европейцами города Касабланка и Ужда, ограничить пребывание иностранцев особыми местами и так далее. Как пишет историк Сьюзен Миллер, «осмелившись выставить условия восшествия на престол нового султана, улемы Феса совершили нечто беспрецедентное для марокканского опыта»¹². Их усилия, кстати, в ту пору не про-

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

11 MILLER S.G. *A History of Modern Morocco*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 64.

12 Ibid. P. 77–78.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

пали даром: в стране появился новый султан. Окончательно обуздать эту «теологическую вольницу» правителям Марокко удалось лишь к рубежу XX и XXI веков, когда они забюрократизировали ислам до такой степени, что религиозные лидеры едва ли не поголовно были превращены в государственных чиновников. По оценкам специалистов, сегодня «марокканский кейс демонстрирует, что бюрократизация [религии] может выступать эффективным средством подавления тех угроз власти, которые исходят от независимых религиозных элит»¹³. Но следует еще раз повторить: подобное приручение религиозных институтов сакральной династией оказалось для Марокко не просто новым, но новейшим явлением.

Марокканский владыка не чувствовал себя полностью свободным даже в вопросах отправления исполнительной власти, зарезервированных за ним правоведами, поскольку его авторитет был значимым лишь для того населения, которое признавало власть центрального правительства (*блед ал-махзен* – в основном городские равнины и прибрежные зоны), а на входящих в состав государства «неподчиненных территориях» (*блед ас-сиба* – в основном горные и пустынные районы), где обитали по большей части берберы, реализацией исполнительных полномочий занималась вполне автономная местная администрация¹⁴. По этой причине марокканским султанам приходилось уделять большое внимание «поддержанию хотя бы относительной монополии на насилие», выстраивая альянсы и лавируя между иными центрами политического влияния¹⁵. Из-за особенностей местной географии рука государства оказывалась далеко не вездесущей: «многие локальные группы исторически сохраняли за собой высокий уровень местной автономии, позволявший им добиваться выгодных для себя условий взаимодействия с центральной властью или, если они проживали вообще “на отшибе”, полностью игнорировать ее административные указания»¹⁶. Это лишало государственное пространство необходимой для отправления суверенитета изменности, делая его зыбким и неустойчивым.

Даже в конце XIX века султанат, не надеясь на родственные связи с Пророком, был вынужден регулярно подтверж-

13 WAINSCOTT A.M. *Bureaucratizing Islam: Morocco and the War on Terror*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 14.

14 Подробнее см.: Луцкая Н.С. *Структура управления в Марокко. Махзан и администрация французского протектората // Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах. История и современность* / Отв. ред. И.П. Иванова, М.Б. Пиотровский, И.М. Смилянская. М.: Наука, 1984. С. 123–140.

15 LUST-OKAR E. *Structuring Conflict in the Arab World: Incumbents, Opponents, and Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 44.

16 WYRTZEN J. *Making Morocco: Colonial Intervention and the Politics of Identity*. Ithaca: Cornell University Press, 2015. P. 15.

дать свою значимость посредством внушительных экспедиций, руководимых лично главой государства и отправлявшихся в окраинные регионы Марокко. «Мобильный и вооруженный двор [*mahalla*] циркулировал по марокканской территории, наказывая взбунтовавшиеся племена, собирая налоги, улаживая конфликты и назначая представителей центральной администрации»¹⁷. В ходе подобных инспекционных поездок, в которых участвовали до 15 тысяч человек, включая придворных и армейские подразделения, султан лицом к лицу встречался с шейхами отдаленных племен: тем самым «регулярно подтверждались древние узы преданности, связывавшие алаутского владыку с его вассалами из пустыни»¹⁸. Не занимаясь подобным делом, поддерживать территориальное единство было невозможно, и поэтому султаны несли бремя этой непростой повинности, буквально не жалея себя: достаточно сказать, что в июле 1894 года Хасан I скончался во время одного из таких путешествий. Парадокс этой системы заключался в том, что привилегированная связь того или иного шейха с султаном зависела сугубо от того, насколько решительно и жестко он был готов отбивать, в том числе и силой, притязания центральной администрации. Государство поневоле уважало тех, кто имел потенциал для сопротивления¹⁹.

Кстати, именно ущербность местного центра и могущество местной периферии позволили Франции довольно легко утвердиться в Марокко. В начале 1911-го, спустя всего три года после вышеупомянутого династического кризиса, берберские племена, возмущенные введением новых налогов и получением новых иностранных займов, спустились с Атласских гор и осадили Фес. Сакральный характер национальной политической власти, уместно подчеркнуть, их ничуть не смущал. Султан, оказавшийся заложником своих подданных в собственном дворце, в минуту паники обратился за помощью к французам. Воспользовавшись долгожданной возможностью, Париж в мае 1911 года ввел в Фес крупный экспедиционный корпус, покончив с хрупкой независимостью Марокко *de facto*, а в марте 1912-го благодарный своим спасителям султан Абд-аль-Хафиз подписал договор о передаче своей страны под протекторат Франции, закрепив перемены минувшего года *de jure*. Сразу же после установления протектората Париж оказался перед серьезной дилеммой. Марокканская раздробленность принесла пользу в период колониального проникновения в страну, продолжавшегося несколько десятилетий, – но выгодно ли было поддерживать ее при новом порядке? Мощное лобби

17 Ibid. P. 44.

18 MILLER S.G. *Op. cit.* P. 42.

19 WYRTZEN J. *Op. cit.* P. 16.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

алжирских колонистов, имевшее голос и в марокканских делах, в своих корыстных интересах настаивало на продолжении «племенной политики», которая строилась бы на торге с отдельными племенами, но французское Министерство иностранных дел, оценив все ее плюсы и минусы, решило все же взять курс на укрепление правящей династии и превращение доколониальной системы в своего главного партнера в марокканских делах²⁰. Божественная родословная, подкрепляемая авторитетом европейцев, оказалась гораздо убедительнее просто божественного происхождения: иначе говоря, у Алауитов появился шанс пережить приход эпохи модерности – и они этим шансом воспользовались.

Божественная родословная, подкрепляемая авторитетом европейцев, оказалась гораздо убедительнее просто божественного происхождения.

СЕКУЛЯРНЫЕ УСТОИ САКРАЛЬНОСТИ

Таким образом, лишь в XX столетии и только благодаря французам политический и религиозный авторитет правящей в Марокко династии начал стабильно укрепляться, что, разумеется, способствовало и реанимации подзабытых сакральных оснований управленческой системы. Под французским «зонтиком» здешний монарх становился все более полновластным и неограниченным правителем. Главная заслуга в разрушении прежней структуры исламских сдержек и противовесов – того, что Ной Фельдман называет мусульманским аналогом правового государства²¹, – и в последовавшем потом возвышении монархии принадлежала не столько самому венценосцу, сколько французским колонизаторам. Об этом сегодня не очень-то принято вспоминать, поскольку в нынешнем историко-политическом дискурсе Марокко «огромное организационное, административное, политическое и культурное воздействие эпохи протектората на постколониальное государство старательно сводится к минимуму или вообще отрицается»²². Но факт остается фактом: как раз в те годы Париж всеми силами способствовал реорганизации султанского правления, последовательно работая над его осовремениванием. «В Марокко есть только одно правительство, а Франция лишь оказывает ему протекцию», – не раз повторял Юбер Лиотэ, верховный пред-

20 Ibid. P. 21.

21 См.: FELDMAN N. *Op. cit.* P. 17–55.

22 MILLER S.G. *Op. cit.* P. 2.

ставитель Французской Республики в этой стране в первые десятилетия после Фесского договора²³. Этот чиновник, кстати, разработал марокканский дворцовый протокол, придумал гимн и флаг протектората, а также перенес столицу из Феса в Рабат. Соответственно, местное «первое лицо» сохранило все свои полномочия: оно издавало декреты, собственноручно их подписывая и скрепля печатью, и оставалось первым имамом нации, контролируя все религиозные дела, – переуступив Парижу «лишь» поддержание безопасности и правопорядка, а также реализацию внешней политики. Цель европейцев была вполне понятной: им хотелось превратить султанат в эффективно работающий бюрократический механизм, построенный на принципах единоначалия и обслуживающий интересы метрополии. Но, какими бы ни были их замыслы, именно режим иностранного покровительства, по справедливому замечанию Миллер, «извлек институт султанской власти со свалки истории, вернул ему уважение, устранил всех, кто покушался на его религиозную монополию, – и, сделав все это, позволил ему в будущем, когда пыль деколонизации улеглась, утвердить свою абсолютную власть в Марокко»²⁴. В свою очередь расширение полномочий султана как единоличного политического лидера, инспирированное белыми владыками «сверху», вполне ожидаемо стимулировало и укрепление его авторитета среди простых марокканцев «снизу».

Кроме того, престиж монарха подкреплялся и управленческими промахами, допускаемыми Парижем: например, в начале 1930-х французы специальным документом (*бербер дахир*) попытались внедрить отдельные судебные и образовательные системы для марокканских берберов и марокканских арабов, чем вызвали крайнее возмущение националистически настроенной интеллигенции, которая апеллировала к молодому султану Мухаммаду бин Юсуфу, вступившему на престол в 1927 году (и между прочим скрепившему своей подписью французскую инициативу). Это событие, вылившееся в масштабную кампанию гражданского неповиновения, стало отправной вехой формирования марокканского национального мифа. Задумывая реформу, Франция исходила из привычного для колониальной этнографии противопоставления арабов с равнин берберам с гор, в рамках которого романтизированный образ марокканского «благородного дикаря» – *la montagne berbère* – подкреплялся убежденностью, что берберы являются естественными союзниками французов в их конфликтах с арабами. Примитивность этой картины заслужила ей прозвище «марокканской вульгаты»; не удивительно, что «в глазах националистов бер-

23 Цит. по: Ibid. P. 91.

24 Ibid. P. 118.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

берский указ предстал интегральной угрозой воображаемому национальному сообществу, на протяжении тысячелетия объединяемому исламизацией и арабизацией»²⁵. Султан же выступал главным символом этого сообщества, а о его собственных административных просчетах патриоты старались не вспоминать. Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что нарратив «марокканского единства» и «арабо-берберского братства», разрабатываемый и продвигаемый городскими националистическими элитами, был таким же упрощенным и искажающим действительность, как и «вульгата» колонизаторов. В обществе, где в межвоенный период уровень неграмотности среди мужчин составлял 90%, а среди женщин – 94%, образованные люди могли с успехом внедрять любые нарративы.

Между тем султан Мухаммад еще более поднял свои ставки, во-первых, поддержав в 1940-х Францию в войне с Германией и санкционировав отправку в метрополию 50 тысяч марокканских солдат, а во-вторых, отказавшись в 1942 году сотрудничать с марионеточным режимом Виши, который формально управлял протекторатом до высадки в Северной Африке союзных войск. Это не только возвысило его голос в последующем политическом диалоге с лидерами антигитлеровской коалиции – в частности, молодой владыка произвел сильное впечатление на американского президента Франклина Рузвельта – и «Свободной Францией» генерала Шарля де Голля, но и подтвердило его статус серьезного политического актора в самом Марокко. Несмотря на то, что за предвоенные и военные годы некоторые сторонники независимости лишь укрепились в своем восприятии султаната как анахронизма, не вписывающегося в современность, в умах большинства националистов «этот институт, обретший под иностранной протекцией новую жизнь, по-прежнему оставался символическим полюсом, вокруг которого можно было объединить поднимавшееся движение за независимость»²⁶.

Главным сподвижником наследника Пророка стала националистическая партия «Истикляль» («Независимость»), учрежденная в 1943 году. Разумеется, противоречие между принципом абсолютизма и идеалом народно-демократического суверенитета не могло не проявить себя с первых же дней этого сотрудничества, но стороны довольно долго находили общий язык, за кулисами продолжая заниматься «перетягиванием каната». В 1947 году султан, который ранее не произнес почти ни одного слова, идущего вразрез с линией протектората, неожиданно во время визита в Танжер выступил с речью о неизбежности независимости и солидарности с арабским национализмом, в одночасье сделавшей его всенародным любимцем.

25 WYRTZEN J. *Op. cit.* P. 139.

26 MILLER S.G. *Op. cit.* P. 145–146.

Место было выбрано не случайно: последний раз марокканский венценосец посещал этот приморский город в далеком 1889 году, а сейчас суверенитет Марокко подтверждался именно на той части национальной территории, которая с 1920-х имела статус «международной зоны». Лидеры «Истикляль», естественно, испытывали определенную ревность к подобным жестам, негласно стараясь то там то здесь «подравнивать» амбиции богоизбранного владыки, но давалось это с трудом: по мнению наблюдателей, невозможно было понять, кто кого ведет – партия султана или султан партию. В некоторых вопросах Мухаммад и партийцы демонстрировали действенную солидарность; таким стал, в частности, вопрос о допуске французских колонистов к муниципальным выборам, с 1947 года превратившийся в острый конфликт Рабата с Парижем. Султан и его партия решительно отвергали инициативу чиновников протектората, указывая, что она нарушает внутренний суверенитет Марокко, гарантированный Фесским договором, поскольку колонисты не граждане страны²⁷.

В конечном счете, активное включение будущего короля в национально-освободительную борьбу стало причиной неоправданного ухудшения его отношений с Французской Республикой: в начале 1951 года венценосец отказался заверить своей подписью указ, запрещающий «Истикляль», получив в ответ французский ультиматум (им проигнорированный), а в 1953 году в наказание отправился в принудительную ссылку, сначала на Корсику, а потом на Мадагаскар. Генерал де Голль, в момент высылки Мухаммада временно находившийся не у дел, назвал эту акцию колонизаторов откровенной глупостью. Он был прав: посредством такого «прощального подарка» колониальная администрация не только укрепила личный авторитет монарха, но и вновь вознесла его над всеми конкурентами. Иначе говоря, секулярный режим протектората внес последний вклад в превращение независимого Марокко в абсолютистское государство с наследником самого Пророка во главе. Когда король через два года триумфально вернулся домой, иные центры местной власти – а таковые были, поскольку французы даже сумели найти изгнаннику преемника из боковой ветви тех же Алауитов, – уже не могли ему противостоять, и поэтому после обретения в 1956 году формальной независимости государственный суверенитет и территориальная целостность Марокко стали ассоциироваться в первую очередь с самим Мухаммадом V. Впрочем, процесс этот проходил не без трудностей: «выдворение султана в эмиграцию добавило ему легитимности, но не избавило от борьбы с политическими партиями»²⁸. Как и следовало ожидать,

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

27 WYRTZEN J. *Op. cit.* P. 260.

28 LUST-OKAR E. *Op. cit.* P. 46.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

главными оппонентами, недовольными возвышением короны, выступили ее бывшие союзники по антиколониальной борьбе.

САКРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ ПРОФАННАЯ ПОЛИТИКА

Именно в 1950-е годы состоялся окончательный слом прежней административно-политической структуры, в результате которого верховная власть перешла от племенной верхушки и религиозных авторитетов, доминировавших в марокканской политической традиции со стародавних времен, к единоличному монарху. Таким образом, у исследователей, которые ссылаются на нынешнюю систему власти Марокко как на крайний пример персонификации исламского правления, имеются для этого все основания. Уже в первые годы царствования Мухаммад V современными правовыми средствами легитимировал собственную власть «повелителя правоверных», поставив тем самым себя выше всех остальных политических акторов государства. Гарантированное превосходство трона над прочими участниками политического процесса было закреплено в первой марокканской Конституции 1962 года. Хасан II, сын Мухаммада V, характеризовал марокканскую систему следующим образом: «Кто бы ни был назначен нами на государственную или военную должность, ему надлежит служить нашим целям – миссии повелителя правоверных, который является тенью Аллаха на земле». Говоря о своем месте в политической системе, тот же монарх отмечал, что он «предназначен Аллахом для выполнения миссии, которой нельзя пренебречь, равно как и поставить ее под сомнение»²⁹. Интересно, что партия «Истикляль», критиковавшая трон как раз за подобные идеи, новый Основной закон в начале 1960-х поддержала: ей очень хотелось упрочить свои позиции в различных институтах власти.

Иначе говоря, вопреки высказываемым иногда мнениям, та политическая система, в рамках которой королю приписывается «божественный иммунитет» от любых политических промахов, а его властные прерогативы трактуются как заведомо неоспоримые, оказывается не столько порождением национальной или исламской политической традиции, сколько рукотворным конструктом относительно недавнего прошлого. Трудно не согласиться со Сьюзен Миллер, которая утверждает, что «восприятие марокканской истории исключительно через призму эволюции марокканской монархии – искажающая практика, от которой нужно отказываться»³⁰. Могущество алавитского монарха держится вовсе не на якобы привычном для

29 Цит. по: *Современная Африка: итоги и перспективы развития...* С. 188–189.

30 MILLER S. G. *Op. cit.* P. 3.

мусульманского мира почтении к потомкам Пророка, а на специфической системе сдержек и противовесов, которую сконструировал король Мухаммад V, передав ее своим наследникам.

Среди прочих особенностей этой системы стоит выделить, в частности, применение хотя и изощренной, но вполне земной методики работы с оппозиционными силами, в рамках которой одни оппозиционеры полностью и жестко отстраняются от политического процесса, а другие, допущенные к нему, оказываются объектами манипуляций, лишаящих их стимулов активно бороться за власть или разжигать социальный протест³¹. К числу последних с полным основанием можно отнести как раз и ту самую старейшую политическую партию «Истикляль», основатели которой никогда не испытывали энтузиазма по поводу наделения правящей династии безраздельной властью. Политическая программа этой организации, разработанная в середине 1940-х, изначально отводила монархии весьма скромную роль; исламские националисты-партийцы полагали, что трон должен освободить себя от несвойственных ему тягот политической борьбы и ограничиться привычной для него ролью посредника, третейского судьи или просто символа нации³². Такая установка, как было показано выше, все же не мешала конструктивному взаимодействию будущего короля с националистами; более того, он и в изгнание отправился, по сути, из-за того, что отказался предать своих политических соратников. Но после достижения независимости отношения короля с главной националистической силой Марокко стали ухудшаться³³. Основанием для трений послужили как раз различные трактовки той роли, какую монархия должна играть в марокканской политике.

Благодаря французскому патронату, а потом и собственным новаторским подходам, вполне патриархальный владыка за весьма короткое время превратился, по выражению американского арабиста Эдмунда Бёрка, в «заинтересованного брокера на бирже политических интересов»³⁴. В итоге на протяжении последних десятилетий стабильность королевского «либерализованного авторитаризма»³⁵ обеспечивалась продуманной и жесткой тактикой, взятой на вооружение марокканскими монархами после обретения независимости: двор по очереди

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

31 Функционирование этой системы детально описано в работе: LUST-ОКАР Е. *Op. cit.* По наблюдению ее автора, в 2000-е марокканские оппозиционные партии «с легкостью могли бы поднять массы на протестные акции, но дело выглядит так, будто они не хотят делать этого» (р. 14).

32 См.: Орлов В. В. *Марокко: монархия и ислам в условиях многопартийности // Современная Африка: метаморфозы политической власти* / Под ред. А. М. Васильева. М.: Наука, 2009. С. 95.

33 Подробнее о взаимодействии монарха с националистами в Марокко см.: ROGAN E. *Arabs: A History*. London: Penguin books, 2017. P. 367–372.

34 *Современная Африка: итоги и перспективы развития...* С. 184.

35 LUST-ОКАР Е. *Op. cit.* P. 5.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

привлекал к управлению страной различные политические силы и последовательно выявлял неспособность каждой из них управлять в одиночку, благодаря чему авторитет монарха непрерывно возрастал, а главных политических партий столь же неуклонно падал³⁶. Ведущая партия «Истикляль» тоже оказалась втянутой в эту игру: поскольку королю хотелось, чтобы его власть воспринималась в качестве религиозно санкционированной и потому безграничной, а националисты были сторонниками исключительно конституционной монархии, их попеременно то приглашали в правительство, то изгоняли оттуда. С самого конца 1950-х власть сознательно культивировала многопартийность, чтобы ослабить «Истикляль» и стать единственным арбитром на партийном поле. Как отмечают исследователи, в 1970-е, реагируя на тягостные для страны последствия «нефтяного шока», марокканский монарх решил жестко размежевать оппозиционные силы на легальные и нелегальные, санкционируя деятельность одних и пресекая активность других. «Такое разделение, становившееся все более жестким по мере углубления кризиса, заставило его легальных политических оппонентов с нарастающей осторожностью относиться к возбуждению массовых протестов»³⁷. Апелляции к религиозному авторитету тут вовсе не требовались – вполне хватало политических технологий. В целом же стратегический потенциал последней североафриканской монархии, как пишет американский специалист по Марокко, на протяжении десятилетий описывается одной и той же триадой: «плюрализация – арбитраж – отложенная демократизация»³⁸.

Двор по очереди привлекал к управлению страной различные политические силы и последовательно выявлял неспособность каждой из них управлять в одиночку, благодаря чему авторитет монарха непрерывно возрастал, а главных политических партий столь же неуклонно падал.

Наконец, тезис о «божественности» марокканской власти полезно сопоставить и с тем фактом, что после ухода французов династия Алауитов считала своей главной опорой вооруженные силы. Именно по этой причине с самого провозглашения независимости армия Марокко официально называлась не

36 Подробнее см.: Ланда Р.Г. *Марокко: 30 лет независимости*. М.: Знание, 1985.

37 LUST-OKAR E. *Op. cit.* P. 59.

38 WYRTZEN J. *Op. cit.* P. 282.

«национальной», а «королевской». При этом, однако, военные далеко не всегда сохраняли безоговорочную лояльность престолу, несмотря на его божественную родословную: на рубеже 1960-х и 1970-х в Марокко не только предпринимались попытки государственного переворота, но и состоялись несколько покушений на жизнь самого Хасана II, сына Мухаммада V. Летом 1972 года истребители сопровождения, встречавшие «борт номер один» после зарубежного визита, попытались сбить королевский самолет в воздухе – и лишь чудо избавило Хасана II от горестной участи некоторых иракских и иорданских Хашимитов, не раз, вопреки своему сакральному статусу, страдавших от рук убийц³⁹. Еще более опасным для режима стал путч, случившийся годом ранее, в июле 1971-го: тогда королевская резиденция, где проходил прием по случаю дня рождения монарха и где собрались сотни гостей, была атакована курсантами военной академии. Переворот возглавили офицеры, воевавшие в составе французских войск в Индокитае в 1950-е и выступившие, по их словам, против «морального разложения» династии. В этом случае монарха тоже спасло чудо, подкрепленное несогласованностью действий путчистов.

Кровавая акция, в ходе которой около ста гостей и полторы сотни мятежников были убиты, потрясла королевство до основания, и только предпринятая в 1975 году масштабная операция по «возвращению домой» Западной Сахары, оставшейся «бесхозной» после того, как испанцы объявили о своем намерении оставить это свое заморское владение, позволила Хасану II восстановить общенациональный консенсус и вернуть себе prerogatives лидера. Организуя «зеленый марш», в ходе которого 350 тысяч марокканцев, мужчин и женщин, «вооруженных только экземплярами Корана», как заявляла государственная пропаганда, хлынули через государственную границу на юг, престол в очередной раз продемонстрировал таланты политического лавирования. Дело в том, что идеал «великого Марокко», включавшего в себя и Западную Сахару, был главной составляющей геополитического видения «Истикляль» с самого начала суверенной государственности – это позволило наиболее массовой марокканской партии простить монархии накопившиеся грехи и в очередной раз согласиться на игру по ее правилам. Иначе говоря, какой бы сакральной ни была арабская власть, во-первых, ей обязательно и всегда нужно уметь маневрировать, а во-вторых, ее неприкосновенность, даже условно гарантированную самим Пророком, все-таки желательно поддерживать вооруженной рукой.

39 Хасан II тогда попросту перехитрил заговорщиков: после обстрела он лично связался по радио с землей и, представившись пилотом королевского лайнера, сообщил, что монарх якобы тяжело ранен. Ему разрешили посадку, после которой, естественно, заговор полностью провалился.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

РЕЛИГИОЗНАЯ КРИТИКА САКРАЛЬНОСТИ

Как и во всем мусульманском мире, конец 1970-х в Марокко был отмечен подъемом исламистских движений. Желая использовать их в качестве противовеса левым силам – в марокканском контексте традиционно мощным, – королевская власть в предшествующий период довольно терпимо относилась к тем нападениям, которым исламисты подвергали режим единоличной власти. При этом, однако, престол постоянно имел в виду, что уже «одним своим существованием исламисты ставили под сомнение прерогативу монарха, являющегося по Конституции верховным предводителем правоверных»⁴⁰. В указанном отношении характерна история 1974 года, когда основатель ассоциации «Справедливость и благочестие» Абд ас-Салям Ясин направил Хасану II обширное открытое письмо под названием «Ислам или потоп», где в крайне оскорбительном тоне отзывался о действующем монархе и ставил под сомнение его право выступать в качестве «повелителя правоверных», закрепленное за первым лицом как исторической традицией, так и законодательством⁴¹. Автор послания, как можно предположить, ни в коей мере не являлся демократом, но марокканский абсолютизм представлялся ему моделью, непоправимо далекой от ислама: в качестве идеала Ясин выдвигал исламскую республику, управляемую коллегиально. Второй марокканский король, по его мнению, вообще не мог считаться «справедливым правителем» из-за его немусульманского образа жизни.

Надо сказать, что Хасана II с самого вступления на престол в начале 1960-х сопровождала сомнительная для мусульманского монарха слава «любителя запретных удовольствий». «Воспринимаемый в качестве плейбоя, чьи ночные похождения в компании вечно пьяных молодых офицеров порождали естественные сомнения в его приверженности религиозным ценностям, молодой король сталкивался с серьезным вызовом соответствия требуемому образу “повелителя правоверных”», – пишет Сьюзен Миллер о ранних годах венценосца⁴². Разумеется, за десятилетие, проведенное на троне, Хасан II обстоятельно поработал над своим имиджем, но сделать его абсолютно идеальным было трудно, что неизбежно провоцировало исламистские атаки. Тем не менее до определенного момента власть старалась не обострять отношений с религи-

40 Пономаренко Л.В., Чикризова О.С. *Исламский фактор во внутренней политике Марокко* // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2013. № 1. С. 70.

41 Куприн А.И. *Власть и исламистская оппозиция в Марокко* // *Ближний Восток и современность: Сборник статей*. Вып. 24. М.: Институт Ближнего Востока, 2004. С. 236.

42 MILLER S.G. *Op. cit.* P. 162–163.

озным сообществом. Несмотря на то, что в соответствии с марокканским законодательством Ясину грозило уголовное дело, а вся эта история разворачивалась в так называемые «свинцовые годы», когда государство широко и часто обращалось к самым жестким репрессиям против инакомыслящих, в данном случае королевский двор решил ограничиться принудительным психиатрическим лечением – не желая, чтобы диссидент превратился в «мученика за правое дело». Впрочем, за свою долгую жизнь, завершившуюся в 2012 году, шейх все же не раз побывал в тюрьме, а его организация вынуждена была довольствоваться полуправильным статусом. В 2011 году, игнорируя божественное происхождение династии, «Справедливость и благочестие» предприняла неудачную попытку организовать в Марокко собственную «арабскую весну».

В 1980–1990-е королевскую власть атаковали и другие радикальные группировки, которых было довольно много. В частности, «Исламская молодежь» (запрещена властями в 1975 году), считавшая престол «западным агентом», на протяжении следующего десятилетия в распространяемой в Марокко нелегальной периодике использовала, к примеру, такие пассажи: «Наше настоящее и будущее находятся между молотом американского империализма и наковальней его агентов, представленных коррумпированным монархическим режимом и теми, кто его поддерживает»⁴³. Движение «Салафитский джихад» тоже призывало своих сторонников расправляться с людьми, которые, по его мнению, относились к категории «неверных». В этот круг зачислялись не только «продажные улемы», выступающие пособниками официоза, или «официальные исламисты» из умеренно мусульманской и промонархической «Партии справедливости и развития», но и представители конкурирующих исламистских групп – например, «Братьев-мусульман», слишком либерально, по мнению джихадистов, трактующие священные тексты⁴⁴. Подобную антигосударственную идеологию, нацеленную на полный слом конституционной системы, разделяют и другие, весьма многочисленные, группы, в 2000-е обратившиеся к террористической тактике. Однако все эти радикальные порывы, ни в грош не ставящие божественную генеалогию монархии, так и не нашли массовой поддержки в марокканском обществе. Дело в том, что «небесный мандат», не имеющий никакой религиозной ценности в глазах исламистов-радикалов, по-прежнему сохраняет определенную значимость для крестьянского населения Марокко – и это отчасти стабилизирует режим, позволяя ему противопоставлять революционным версиям ислама его охранительную трактовку. Разумеется, это далеко не

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

43 Цит. по: Пономаренко Л.В., Чикризова О.С. *Указ. соч.* С. 71.

44 Там же. С. 75–76.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

единственный, но весьма важный элемент устойчивости государственного здания.

В последние десятилетия религиозные прерогативы монархии оспаривались и более умеренными политическими силами. В 2003 году в отставку был вынужден уйти видный функционер умеренно исламистской «Партии справедливости и развития» Ахмед Раиссуни, который публично поставил под сомнение право короля скреплять своей подписью фетвы, принимаемые созданным королевской властью в 1981 году Высшим советом улемов. Фактически Раиссуни пытался дезавуировать одно из ключевых религиозно-политических полномочий, присвоенных монархом в ходе обновления ислама в Марокко: ведь после того, как глава государства лично возглавил главный коллегиальный орган мусульманских богословов, они автоматически утратили полномочия публиковать фетвы самостоятельно и «вразнобой». В прежние времена, как мы отмечали выше, использование улемами этого права иногда причиняло монархии немалые неприятности. Отправив Раиссуни в изгнание, режим показал потенциальным критикам, что он не допустит оспаривания ни королевского права управлять религиозной сферой в целом, ни прерогативы монарха утверждать фетвы в частности.

«Небесный мандат», не имеющий никакой религиозной ценности в глазах исламистов-радикалов, по-прежнему сохраняет определенную значимость для крестьянского населения Марокко.

Кстати, власти весьма болезненно реагируют и в тех случаях, когда негласную «красную черту» пересекают сами богословы. В этом смысле показательна история 2013 года; тогда один из марокканских Интернет-порталов (позже закрытый властями) опубликовал текст фетвы, принятой Высшим советом улемов годом ранее. Документ, призывавший выносить государственные смертные приговоры всем «отступникам», переходящим из ислама в другие вероисповедания, произвел немалый резонанс не только в Марокко, но и в мире. Поскольку он явным образом подрывал официально насаждаемую репутацию марокканского ислама как «умеренного и терпимого», власти предприняли расследование инцидента, в ходе которого выяснилось, что эту фетву не передавали на королевское утверждение – улемы попробовали действовать самостоятельно. Министерство по делам религиозных фондов и ислама, опекающее религиозные структуры,

событие не комментировало, но нет никаких сомнений, что организационные выводы были сделаны и дисциплинарные решения последовали⁴⁵.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА И НЕДОЛГАЯ «АРАБСКАЯ ВЕСНА»

Широко применяя в отношении исламских экстремистов карательные меры, режим Алауитов задействовал и другие рычаги «приручения уммы». Именно Хасан II начал процесс бюрократизации ислама, укрепляя позиции официальных духовных структур и, по выражению российского историка Владимира Орлова, превращая религиозную жизнь Марокко в «свою вотчину»⁴⁶. Еще в 1980-е марокканский корпус улемов был реформирован и встроен в государственную управленческую вертикаль: общенациональную сеть религиозных деятелей подчинили высшей религиозно-правовой инстанции в лице Высшего совета улемов, руководимого самим королем. Этот орган, однако, не собирался до 2000 года, оставаясь декоративным. Но на фоне набирающего обороты противодействия марокканского государства салафитам и шиитам Мухаммад VI, вступивший на престол в 1999 году, вдохнул в него новую жизнь: в 2008-му он заявил, что улемы должны со всем усердием «крепить духовную безопасность нации»⁴⁷. К началу 2010-х в бюрократическую пирамиду, венчаемую Высшим советом улемов, входили 27 региональных и 67 местных советов. Подобная иерархическая система не допускает никакой самостоятельности: улучшая материальное положение духовных лиц, двор постоянно требует от них административной дисциплины и неизменного почтения к монарху. Что же касается религиозных институций, не вписывающихся в государственный курс, то их власти жестко выдавливали за пределы общественного поля. С середины 1980-х, после реформы профильного министерства, занимающегося делами ислама, в деятельность советов улемов, связанную с утверждением имамов мечетей, предварительным одобрением текстов проповедей, а также решением финансовых вопросов, оказались вовлеченными и губернаторы провинций⁴⁸.

Стараясь подчеркнуть свой особый религиозный статус, Хасан II уделял большое внимание внешней стороне благочестия. Учрежденный им Высший институт пропаганды веры был упол-

45 Подробнее см.: WAINSCOTT A.M. *Op. cit.* P. 111–112.

46 См.: Орлов В.В. *Указ. соч.*

47 WAINSCOTT A.M. *Op. cit.* P. 108.

48 Орлов В.В. *Указ. соч.* С. 103.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

номочен опекать мусульманское образование, а также обеспечивать распространение официального религиозного нарратива. Начиная с 1980-х годов в Марокко появлялось все больше теле- и радиопрограмм, освещающих исламскую проблематику. Исламская проповедь изображалась в качестве инструмента, сплачивающего марокканскую нацию, что в свете этнокультурной неоднородности и арабо-берберской дихотомии было особенно важным. Кроме того, Хасан II реанимировал начатую еще его отцом Мухаммадом V программу строительства в Марокко тысячи мечетей, заложив в 1987 году в Касабланке третью по величине мечеть мусульманского мира. Ислам, однако, поощрялся при обязательном условии: от мусульманских объединений требовалась безупречная лояльность режиму, а от духовенства и мирян – отказ от любой самостоятельности в религиозных делах.

Ту же линию на интеграцию ислама в бюрократический аппарат власти еще более энергично продолжил Мухаммад VI. В его случае мощнейшими импульсами к более основательному огосударствлению доминирующей религии послужили, во-первых, «война с террором», развернутая Соединенными Штатами Америки после 11 сентября 2001 года и накалившая ситуацию в исламском мире, а во-вторых, террористические атаки в самом Марокко, произошедшие в первой половине 2000-х. Всеобъемлющая и комплексная религиозная реформа, запущенная Рабатом в 2004 году, «до предела бюрократизировала марокканский ислам, отдав ключевые решения относительно религиозных практик в руки людей, получающих зарплату от государства»⁴⁹. В результате состоялась полная кооптация старых и формирование новых религиозных элит, которые объединяет безраздельная преданность престолу. Принимая под свою опеку всю полноту религиозной жизни нации, марокканская монархия опиралась на обширный набор руководимых государством институций, которые всевозможными способами воспроизводят и распространяют официальную интерпретацию ислама. В сферу контроля попали способы освоения и интерпретации религиозных текстов, религиозные средства массовой информации и религиозные учебные заведения. Координирующие усилия государства заставили работать рука об руку маленькие фонды, подготавливающие новые издания Корана, и огромные университеты, осуществляющие масштабные программы исламских исследований. Показательно, что в настоящее время столь же развитой религиозной инфраструктурой обладают лишь две страны исламского мира – Иран и Саудовская Аравия⁵⁰.

49 WAINSCOTT A.M. *Op. cit.* P. 1.

50 *Ibid.* P. 98.

Как и следовало ожидать, наполнение вероисповедного смыслового поля контентом, фабрикуемым и поставляемым государственными органами, позволило властям, во-первых, заглушить претензии к сакральным основаниям монархии, а во-вторых, снизить градус политики устрашения, к которой так или иначе в 2000-е обращались все авторитарные режимы Ближнего Востока и Северной Африки. Если после взрывов в Касабланке в 2003 году местные силовые структуры разово задержали более пяти тысяч активных исламистов, то после терактов 2007-го и 2011 годов количество арестованных исчислялось лишь десятками. Полная нейтрализация угрозы, потенциально исходящей от независимых религиозных элит, породила довольно необычный политико-религиозный конструкт, который некоторые исследователи называют «марокканским исламом». Реформа оказалась настолько эффективной, что в 2015 году, по случаю сорокалетия «зеленого марша», который при Хасане II обеспечил аннексию Западной Сахары, марокканские власти позволили себе символический жест, немыслимый в соседних странах, тоже страдающих от террористической угрозы: они амнистировали более трех с половиной тысяч исламских радикалов и сократили сроки еще нескольким сотням⁵¹. Среди выпущенных на свободу были и те, кто обвинялся в причастности к терактам 2003-го. Символично, однако, что масштабной амнистии предшествовал королевский декрет, подписанный в мае 2014 года и категорически запрещающий имамам участие в любой политической деятельности, включая работу с профсоюзами.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

Ислам поощрялся при обязательном условии: от мусульманских объединений требовалась безупречная лояльность режиму, а от духовенства и мирян – отказ от любой самостоятельности в религиозных делах.

Социально-политические протесты, начавшиеся в арабском мире в 2010-е, в очередной раз показали, что сакральный образ «повелителя правоверных» нужно поддерживать не только продуманной религиозной политикой, но и более прозаичным инструментарием. С одной стороны, не приходится спорить с тем, что «арабская весна» продемонстрировала вариативность реформаторских требований в республиканских и в монархических государствах. В отличие от республик Египта, Ливии, Туниса и Йемена, где доминировали лозунги

51 Ibid. P. 42.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

коренного переустройства всей политической жизни, в монархиях Иордании, Марокко, Бахрейна и Кувейта выдвигаемая улицей программа демократизации ограничивалась отставкой правительств, изменением избирательных систем, ограничением прерогатив монархов – не затрагивая основ монархического правления. Иначе говоря, в целом «консервативные режимы оказались более устойчивыми к кризисной ситуации, [...] нежели республиканские»⁵². С другой стороны, религиозная родословная династии Алауитов, которая активно культивируется и продвигается марокканскими властями, отчасти позволив здешнему королевскому двору повысить устойчивость в трудные времена, едва ли может считаться определяющим фактором ее выживания. Напротив, лозунги, направленные против узурпации власти королем, нередко звучали в ходе марокканских протестов не только в 2011-м, но и в последующие годы.

Между тем превентивный референдум, спешно организованный и проведенный в Марокко в разгар «арабской весны», санкционировал вступление в силу новой Конституции. Являясь реакцией на массовые волнения, Основной закон 2011 года, как и следовало ожидать, урезал полномочия короля: в частности, он отказался от эксклюзивного права назначать премьер-министра и больше не может лично возглавлять правительство. При этом сокращение королевских полномочий автоматически расширило прерогативы других ветвей власти в лице парламента и судов. Тем не менее положения, подтверждающие сакральный статус монарха, остались неизменными⁵³. Статья 41 новой Конституции дословно повторяет формулу Конституции Марокко 1962 года: монарх остается «повелителем правоверных», тем самым сохраняя за собой право на единоличные решения относительно религии⁵⁴.

Но что же будет дальше – и в Марокко, и в исламском мире? Если исходить из того, что «неприкасаемых» на Ближнем Востоке и в Северной Африке нет, в обозримой перспективе, как представляется, не исключено заметное расширение географии протестов. Попытки предвидеть недалекое будущее становятся еще более интригующими из-за того, что организаторы новой «арабской весны» 2019–2020 годов, по оценкам комментаторов, учли просчеты и недоработки предыдущего раунда. В подтверждение можно сослаться, скажем, на то, что и алжирские, и суданские, и ливанские активисты, бунтовав-

52 ТРУЕВЦЕВ К. М. *Год 2011 – новая демократическая волна?* Препринт WP14/2011/05 (серия «Политическая теория и политический анализ»). М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 21.

53 См.: Сухов Н. В. «*Политическая весна*» в Марокко // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков...* С. 255.

54 WAINSCOTT A. M. *Op. cit.* P. 20.

шие в минувшем два года, опирались в основном на тактику ненасильственного сопротивления, дезориентировавшую политические и военные элиты и затруднявшую для них силовое реагирование, а также широко использовали принцип максимального привлечения в ряды манифестантов всех, кого только можно. В Судане, в частности, организаторы летних демонстраций 2019-го обращались со специальным призывом даже к христианской общине страны, приглашая ее членов присоединиться к митингующим на площадях мусульманам. Подобный инклюзивный подход показал себя вполне эффективным.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

* * *

Сегодня не вызывает сомнений, что текущая эпидемия коронавируса не слишком сдерживает социальное недовольство в тех странах, где его потенциал хронически высок. Это означает, что мусульманский мир, включая Королевство Марокко, вполне могут ждать новые неприятности. Там, где «оттепель» только-только начнется, придется решать важнейшую задачу сдерживания исламистов, которые, как показывает практика, автоматически выигрывают в случае крушения авторитарных режимов. Из опыта первой «арабской весны» известно, что удастся это не всем, а предсказывать наперед исходы постреволуционного противоборства невозможно. Кстати, у многих стран региона имеется богатый опыт гражданских войн; как известно, такое прошлое заметно повышает конфликтный потенциал общественных систем. Но даже если до крайностей не дойдет, то революции, как минимум, повлекут за собой нестабильность, а она спровоцирует новые человеческие миграции. Это означает, что для Европы вторая «арабская весна» может обернуться теми же последствиями, что и первая: очередным натиском беженцев, который теперь будет усугубляться пандемией. Что касается тех государств, которые после первой «весны» уже оказались в ситуации гражданской войны, то там можно ожидать новых рецидивов насилия. Дело в том, что внутреннее противоборство и в Ливии, и в Йемене, и в Сирии происходит при самом широком вмешательстве внешних акторов, и дестабилизация кого-то из них или просто переключение этих акторов на другие, более насущные, проблемы повлечет за собой нарушение сложившегося на полях боев баланса сил.

Новая «арабская весна», если она действительно наступит, повлечет за собой сдвиги, которые скажутся не только на Ближнем Востоке и Северной Африке, но и на других регио-

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО,
БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
И НОВАЯ «АРАБСКАЯ
ВЕСНА»

нах планеты. В минувшее десятилетие арабский мир проработал «черновик» революционного преобразования, а теперь пришла пора его переписать, поскольку тогда получилось не все и не все тираны простились со своими креслами. Охранителям же и легитимистам можно только посочувствовать – их, вероятно, ждут огорчения, и почтенные религиозные родословные едва ли помогут. Впрочем, выход у них все-таки есть: это превентивная модернизация, способная смягчить грядущий кризис. Надо сказать, что у единственного североафриканского королевства, доказавшего свою готовность гибко откликаться на глобальные веяния, имеются предпосылки и для такого курса.